

Элизабет Бенавент

ИДЕАЛЬНАЯ СКАЗКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
Б46

Печатается с разрешения
Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U.
и агентства Nova Littera SIA All rights reserved.

Оформление обложки *Виктории Давлетбаевой*
Перевод с испанского *Ольги Мусаевой*

Бенавент, Элизабет.

Б46 Идеальная сказка : [роман] / Элизабет Бенавент ; [пер. с исп. О. Мусаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 544 с. — (Уютные романы о любви).

ISBN 978-5-17-167701-5

Марго — современная принцесса из богатой семьи. У нее есть все: роскошная квартира, высокая должность и безупречный жених. Но за идеальным фасадом скрывается удушающая тревога — Марго чувствует себя самозванкой на своей свадьбе, с которой сбегает.

Давид — полная ее противоположность. Ему 27, он перебивается с одной подработки на другую и ночует на диване у друга. В довершение всего его бросает любимая, назвав бесперспективным и незрелым.

Так, двое людей с разбитым сердцем из разных миров отправятся в отпуск, чтобы заставить бывших ревновать. Приключение оборачивается драмой. Чувства тянут влюбленных в разные стороны и вынуждают их принять судьбоносное решение.

Какой у идеальной сказки будет конец?

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-167701-5

© 2020, Elisabet Benavent Ferri
© Мусаева О., перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Моему другу Холдену.

За тот разговор на Пласа-дель-Дос-де-Майо.

За то, что напомнил мне, почему я обожаю писать
и в чем смысл всего этого.

За то, что подарил мне самую искреннюю дружбу.

Ты рассталась с парнем. Может, и работу свою ненавидишь. Возможно, ты всю жизнь мечтаешь о вещах, которые тебе не по карману. Лишние килограммы после лета прибавились к тем, что остались после Рождества? Не беспокойся. И если все лифчики тебе велики, тоже не беспокойся. И если не помещаешься в стулья на верандах. И если мама никогда не одобряет того, что ты делаешь... и того, что не делаешь, разумеется, тоже. И если ты отдала свое сердце идиоту. И если чувствуешь, что замужем за ипотекой. Если твой начальник — психопат проклятый. Если думаешь, что тебя обманывают, что тебя хотят выгнать, что ты накосячила.

Ничего страшного! Честное слово — ничего страшного. Более того, если ты расстраиваешься, видя по телевизору, в журналах и в соцсетях, как легка и прекрасна чья-то жизнь, скажу тебе по секрету — это не так. На самом деле все куда сложнее. Например, у меня было все идеально, и это все я испортила очень просто — надела кроссовки и убежала... Только на самом деле ничего у меня было не идеально и ничего я не испортила. Послушай меня. Говорю тебе от всего сердца. Это не жизнь тяжелая, не все кончено. Просто... открываются новые возможности.

Рассказать тебе сказку, которая сначала тоже покажется идеальной? Жила-была современная принцесса. Замка у нее не было, и не вздыхала она, опершись на окно смотровой башни, откуда открывался вид на королевство. Не расчесы-

вала длинные-предлинные волосы золотой щеткой, покрытой эмалью. Не ждала, что прекрасный принц спасет ее от злобной ведьмы.

Хотя... не буду отрицать — моя мама сойдет за ведьму.

Я хочу сказать, что сказки о принцессах всё еще живы в каком-то уголке нашего сознания — порой крошечном, а порой и огромном. Уже нет ни принцев на конях, ни птичек, которые помогли бы нам одеться на свидание, где в нас влюбятся и мы наконец будем счастливы (не верится, что нам это внушали), но мы продолжаем верить в сказки. В легенды. Нас убедили, что мы хотим быть принцессами.

Полистай Instagram*. У тебя его нет? Заводить его, чтобы проверить мои слова, не стоит, но ты понимаешь, о чем я, — идеальные роскошные жизни. Фотографии, на которых, кажется, можно дотронуться до этого фантастического марева мечты: блеск, глянец, укладка волосок к волоску. Да, в соцсетях зачастую навязывают идеал, заставляющий нас стремиться к тому, чего в реальности нет. Девочки теперь хотят быть новой версией принцессы из сказки — с брендовой сумкой, со стаканчиком кофе, который поди пойми почему розового цвета, у бескрайнего бассейна на Таити. Звучит неплохо, кто спорит. Я тоже так хочу... Но суть в том, чтобы понимать: за этим фото стоит не идеальная жизнь, а просто — жизнь.

Я знаю, что говорю. Нет, я не блогер и не модель, но в каком-то смысле я чувствовала, что за мной наблюдают, меня обсуждают и осуждают. Как? Ну, я жила (лучше сказать, томилась в плену) в другой сказке, больше похожей на старую народную, где не все то золото, что блестит. Я родилась в обеспеченной семье, с кучей фамилий и империей отелей впридачу. На моих крестинах присутствовали даже члены королевской семьи. Я с рождения была обречена стать принцессой из сказки, в которую не верю, но никто никогда не спрашивал, во что верит Марго.

* Instagram — продукт компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ.

Я знаю, что у меня был миллион возможностей, которые недоступны другим, но... позволь рассказать тебе эту сказку на свой лад.

Однажды жила-была девушка, у которой было все, и парень, у которого не было ничего.

Однажды произошла история любви — что-то среднее между успехом и сомнениями.

Однажды случилась идеальная сказка.

И только тебе решать, какой у нее будет конец.

2

Успех. Везучая и невзрачная

— **К**уда ты собираешься в отпуск?
Это был любимый мамин вопрос. Она задавала его на Рождество, когда мы собирались всей семьей вокруг стола, перегруженного бокалами, приборами и серебряным хламом — настолько же бесполезным, насколько устаревшим, и на Пасху, когда она заставляла нас приходить в гости на традиционные сладкие гренки, которые каждый раз готовил другой повар, потому что она их быстро увольняла.

И на годовщину папиной смерти, когда мы ездили в усадьбу бабушки с бабушкой положить цветы на могилу и послушать мессу, мама задавала тот же вопрос:

— Куда вы собираетесь в отпуск, девочки?

Задавала она его главным образом потому, что была снобкой и закоренелой ханжой, и ее ужасно беспокоило, если высшее общество не видит, как ее дочери катаются на лыжах в Швейцарии, на яхте по Средиземному морю или поджариваются на солнце во Французской Полинезии. Это, а еще быть такой стройной, чтобы бедренные косточки аж проступали через одежду, были ее высшими жизненными устремлениями. Ах да, и еще «хорошо выйти замуж», разумеется. *Успешно* выйти замуж.

Достало, слышать уже не могу.

Когда я в первый раз услышала слово «успех», я была слишком мала, чтобы понять его или сомневаться в свойствах, которые ему приписывались. И так бы и осталось, как слова «летучая мышь», которые я всегда выговаривала как «лечутая мышь», пока однажды не поняла их значение, но с успехом было не так. Успех был для моей семьи ребенком на крестинах, невестой на свадьбе, покойником на похоронах. Единственное стремление, достойное уважения, цель человеческого существования. Заноза в заднице. Ощущение как от издевательств в школе: ты или участник, или жертва. Короче, отсюда и этот пресловутый вопрос:

— Куда ты собираешься в отпуск, Патрисия?

Мы с сестрами переглянулись и сдержанно улыбнулись, уткнувшись в тарелки с вишисуазом-лайт, то есть в грязную воду с луком-пореем, отдававшую лужей. Это было первое, чем поинтересовалась мама с начала ужина. Мы праздновали приезд моей сестры Канделы на мою свадьбу.

Да. Свадьба. Добро пожаловать в мою сказку, которая начинается там, где другие уже жили долго и счастливо.

— Тебя я не спрашиваю, и так понятно, что у тебя будет медовый месяц мечты. — Мама подняла глаза, взяла бокал и улыбнулась мне.

— «Мечты», — пробормотала Кандела, имитируя прокисший аристократический мамин выговор.

— Альберто хочет, чтобы мы первые две недели августа попутешествовали, но с детьми... — Патрисия, старшая, бросила предупреждающий взгляд на Канделу, не в силах сдерживать улыбку.

— Я хотел поехать в Грецию, — объяснил зять, не спуская глаз с моих племянников-бандитов, которые уже поужинали и подозрительно спокойно играли в гостиную, примыкающей к столовой.

— Путешествовать с ними очень утомительно, — настаивала сестра. — Я думаю, снимем дом на Форментере на весь месяц.

— На Форментере? — Мама обеспокоенно посмотрела на Лорда Шампиньона, как мы называли ее второго мужа, а потом на Патрисию и Альберто. — Там не будет полно...

— Людей? — Я постаралась опередить ее, пока она не сказала что-нибудь обидное.

— Ну, людей, да, но... я имела в виду... ну, вы понимаете...

Она вяло пошевелила рукой. С ней так бывало, когда она не могла найти слов, будучи «заторможенной», назовем это так. Мама... ну, она ленивая настолько, насколько может быть человек, никогда не понимавший, что труд облагораживает. Ближе всего она к дамам, которые плыли с Кейт Уинслет на «Титанике», с той лишь разницей, что мама привыкла регулярно ложиться под нож пластического хирурга, благодаря чему добилась величественного натянутого кошачьего лица. Как всегда сразу после «небольшого устранения неисправности», она жила на обезболивающих, которые, если принимать их вместе с алкоголем (как она обычно и делала), устраняли и сам смысл человеческого существования.

— А почему не Сен-Тропе? — спросила она, сделав глоток вина.

— Потому что... — Патрисия посмотрела на нас, призывая на помощь. — Сен-Тропе уже *demodé**, нет?

— Да, ты права. — Она проглотила это. — Но Менорка звучит лучше, чем Форментера, ты не думаешь, дорогая?

Лорд Шампиньон согласился. У него был дворянский титул, но он и правда напоминал гриб — царственный, да, но совершенно пассивный. Иногда мы сомневались, что у него внутри теплится жизнь, но были люди, которые утверждали, что он в состоянии составлять фразы целиком. Мы подозревали, что он тоже колет себе филлеры в губы, потому что бывали моменты, когда его рот выглядел странновато.

— Кандела, а ты? Куда поедешь в отпуск? Тебе надо искать какие-то теплые края, чтобы компенсировать жизнь в этой Исландии...

* Устаревший, вышедший из моды (фр.).

— Я живу в Стокгольме, мама, это столица Швеции. И я уже взяла выходные, чтобы побыть здесь. — Она скривилась. — Так что проведу их у тебя в комнате для гостей.

— Весь день работаешь... — презрительно сказала мама. — Люди подумают, что тебе голову негде приклонить.

— Да ладно, если я сделаю пару селфи в комнате, которую ты мне выделила, то легко смогу убедить друзей, что была в Версале. Рококо тоже *demodé*, мам, с конца восемнадцатого века.

Мы с Патрисией старательно вытирали рот салфетками, чтобы скрыть улыбки. Прислуга забрала наши тарелки, и меньше чем через минуту уже появилось второе блюдо. У всех за столом — ароматное филе-миньон... а у меня — блюдо с ботвой.

Я посмотрела на сестер, на зятя, на маму.

— Дорогая! — улыбнулась мне мама. — Это тушеные травы. Очень вкусно! Здоровая пища. Низкокалорийная.

— Но... — начало было Кандела.

— Вот увидишь, платье будет сидеть замечательно.

Я набрала воздуха, натянула улыбку и перебила сестру:

— Спасибо, мама. Канди, не беспокойся.

— У вас такие красивые имена, не понимаю, почему вы настойчиво зовете друг друга этими дурацкими сокращениями. Вот ты. «Марго». Что за Марго, что это за имя? Маргарита. Ана Маргарита Ортега Ортис де Сарате.

Реальность.

Звучит шикарно, да? Как у человека, который потеет духами и какает попкорном. Бабушка-аристократка. Мать с кошачьим лицом. Отчим-шампиньон с дворянским титулом. Ана Маргарита Ортега Ортис де Сарате была в этом случае персонажем, которого видели остальные члены семейной империи и любители светской хроники. Это было просто имя в официальных документах. Для всего остального мира такого человека не существовало. И слава богу, потому что это отстой.

А я на самом деле была Марго. С милыми сокращениями, когда сестры чего-то хотели, с ласковыми прозвищами от

любящего мужчины, с кличками, которыми окрестили меня коллеги в офисе (можно подумать, я о них не знала): маркиза, робот и мое любимое — Мадам Сверхурочные.

И позволь сказать тебе, что Марго не чувствовала никакой симпатии к Маргарите — тому образу, который в каком-то смысле транслировала наружу. То, по чему другие судили обо мне, даже отдаленно не имело отношения ко мне настоящей. Люди обычно составляли картинку, исходя из моего происхождения, но разве это что-то действительно обо мне говорит? Скорее о моем возможном портфеле инвестиций. Но мы, хорошо это или плохо, не наши сбережения.

Я научилась изображать вежливую улыбку и ускользать с вечеринок высшего общества, посещение которых не могла избежать. У Канделы, средней сестры, всегда была аллергия на все, что могло понравиться маме.. Патрисия справлялась лучше... может быть, потому, что все ее обожали. Она из тех прелестных красавиц, которым искренне симпатизируешь.

Особого разговора больше не вышло. Мы, находясь рядом с матерью, не находили слов. Было неудобно говорить от имени своих «персонажей», так что мы предпочитали молчать на ужинах и становиться собой подальше от нее. Мы старались как можно быстрее уйти из этого заставленного ценностями дома, где, кажется, даже воздух был облачен в легкий слой бархата.

— Не оставляйте меня тут одну, стервы, — изнывала Кандела, провожая нас к выходу. — Эта сеньора меня пугает.

Я засмеялась:

— Эта сеньора — твоя мама.

— Заберите меня! Я буду спать с кем угодно из твоих детей. Даже если он еще писается по ночам, все равно, — плакалась она Патрисии.

— Вот я и недоумеваю, почему ты захотела остаться здесь вместо того, чтобы поехать ко мне, — сказала я.

— Потому что ты выходишь замуж! — ответила она так, как будто это было очевидно. — Быть третьей лишней я не вынесу.

— Ну поезжай в отель, — предложила Патрисия, роясь в сумке. — У меня нет места.

— Ты живешь в огромном дворце, как это нет места?

— Да брось. Ты жуткая неряха, через два дня дом будет погребен под горой грязного белья. Некрасивого грязного белья.

— Не глупи, — снова предложила я, — пойдем к нам. Филиппо не будет против.

— Кстати, почему он сегодня не пришел?

— У него много работы, которую надо закончить до отпуска.

— Вранье, — заявила Патрисия, указывая на удаляющегося мужа и вынимая наконец телефон из сумки Céline.

— Пока, Альберто, пока!

— Почему ты так думаешь? — спросила Кандела, махавшая на прощание зятю.

— Он не выносит маму. И я его понимаю.

Мы заговорщически улыбнулись друг другу и обнялись.

— Спокойной ночи.

— Закрывайся на задвижку, а то по ночам она превращается в Женщину-кошку, — пошутила Патрисия, указывая наверх.

— Да она бы с удовольствием. Она такая... как если бы проглотила гардероб всего состава мюзикла «Кошки» для тощих.

— До завтра, увидимся.

— Я зайду за тобой на работу, — пригрозила мне сестра.

— Не вздумай. Я хочу, чтобы меня продолжали уважать.

— А я тут при чем?

— Ты одеваешься как Индиана Джонс.

— Индиана Джонс? Да нет, она маскируется под фотографа, который подрабатывает на детских праздниках.

Мы с Патрисией расхохотались, а Кандела показала нам безымянный палец:

— Отвратительные избалованные девчонки.

— Спокойной ночи, Мария Канделария Ортега Ортис де Сарате.

Как бы ни настаивала сестра, в ее машину не помещались она, зять, трое детей и я. Кроме того, я жила в пятнадцати минутах прогулочным шагом от маминого дома, а ночь в начале июня выдалась теплой и приятной. Улицы Мадрида — города, в котором я выросла, — даже в этот час были полны жизни как никогда. Именно за это я и обожала его, хотя север — родина моих предков — навсегда оставался главной любовью моей жизни.

По пути домой я думала о Канделе. Я спрашивала себя, надеялась ли сестра, что однажды мама прозреет и догадается, что у нее три прекрасные дочери, о которых она думала еще меньше, чем о работе. Уже давным-давно я поняла, что она никогда не обнимет нас, не поинтересуется нашими мечтами и не простит нам того, что мы не оправдали ее ожиданий — не стали и никогда не станем теми, кем она хотела нас видеть. Возможно, Канделу на самом деле это заботило меньше всех: уже много лет она жила в Стокгольме, работала врачом и наслаждалась полноценной жизнью, которой сама распоряжалась. Она никогда не испытывала сомнений, оставляя позади семейную систему ценностей. Она была моей героиней. Мне было жаль Патрисию, но на среднюю сестру я просто молилась.

В моем случае сделать так, чтобы мнение семьи меня не затронуло, было гораздо сложнее: я чувствовала себя обязанной быть частью традиций, компании, светских мероприятий... даже ощущая себя там не в своей тарелке. В мире, где важным кажется только то, что блестит (успех, красота, деньги), такая девушка, какой бы громкой фамилией она ни обладала, была всего лишь самозванкой.

В высшей степени.

Ни тебе выдающейся красоты, как у Патриси, ни выдающегося ума, как у Канделы. Я росла, зная, что я невзрачная младшая дочь семьи, которая всегда стремилась к совершенству. Моя мать верит, что успех является частью нашей ДНК. Представь себе ее разочарование, когда она поняла, что ее младшенькая ничем не выделяется. Меня отдали учиться играть на скрипке, но я смогла воспроизводить только мяука-

ные мартовской кошки. Меня заставили ходить на уроки верховой езды — лошади ненавидели меня и с удовольствием жевали мои волосы и лягались. Мои женские таланты тоже не раскрывались, и как бы ни старались, из меня не вышло ни олимпийской чемпионки по парусному спорту, ни иконы стиля, ни духовной наставницы для селебрити. И заметьте, я говорю о таких с большим уважением и с некоторой завистью, потому что сама продолжала оставаться ужасающей кошмарной посредственностью. Невидимкой.

Как говорит мама обо мне — не высокая и не низкая, не толстая и не слишком тощая, не красавица и не уродина, не умная и не глупая, не технарш и не гуманитарий. Я могла всего по чуть-чуть, но ничего мне не давалось по-настоящему. А Леди Мяу — как называет ее Кандела — думает, что лучше пусть критикуют, чем молчат. Чего я могла добиться, не имея никакого таланта?

Сделай это. Сделай то. В конце концов единственное, в чем я, кажется, выделялась, — это умение не противоречить. Поскольку у меня не было явного призвания, кончилось тем, что я последовала совету и заняла ответственный пост в компании. *Компания*. Империя, которая нуждалась в ком-то, после того как ни Патрисия, ни Кандела не проявили к семейному бизнесу ни малейшего интереса.

Знаю, мама жалела, что не родила вместо меня мальчика. Она всегда говорила нам, что мир бизнеса — это для смелых и очень талантливых мужчин.

Мне понадобилось пять лет, чтобы понять — мое настоящее призвание в том, чтобы возродить бренд и сделать его конкурентноспособным и современным в расцвет цифровой эпохи. Не все могут с детского сада знать свое призвание. С тех пор меня всегда считали «чьей-то дочерью», ведь в нашем кругу у женщин будто нет права голоса без этой приставки или статуса «чья-то жена», но это я уже приняла как само собой разумеющееся. «Смелым и очень талантливым мужчинам» не нравилось, что женщина тридцати двух лет была членом Совета директоров и имела голос при принятии важных решений. Жизненный урок: не прилагай усилий, чтобы

бороться с чьими-то предрассудками, потому что, возможно, человек видит то, что он хочет видеть. Потребовалось достаточно времени, чтобы это понять... и кто-то, чтобы показать.

Дома меня встретила полная тишина гигантской квартиры. Огни Мадрида проникли через огромные окна гостиной и осветили меня, пока я шла с туфлями в руках к спальне, где никого не обнаружила.

Удивленная, я достала телефон — пропущенный звонок и сообщение:

«Я пойду чего-нибудь выпить с друзьями».

«Вернись не поздно».

Я ответила: *«Люблю тебя. Я уже дома».*

Я разделась. Надела ночную рубашку. Смыла макияж. Намазалась кремом. Села на кровать и посмотрела в окно.

Через два дня свадьба. Я собиралась выйти замуж за идеального мужчину. У меня была огромная квартира в центре Мадрида и гардеробная, полная одежды. У меня было гигантское помолвочное кольцо, и я знала, что завтра на ужине свекры подарят мне изумрудное кольцо, передавшееся в их семье из поколения в поколение. У меня была работа и личный шофер. У меня были акции. У меня была светская жизнь и бутылка шампанского в холодильнике.

И несмотря на все это... больше всего меня беспокоило ужасное ощущение, что у меня ничего нет.

3

От плохого к худшему

Она говорила, но я ее не слышал. Ну, начистоту сказать, слышать-то я слышал, но был в состоянии выпецпить всего пару слов тут и там. То, что она хотела сказать, было понятно с самого начала, так что я, как обычно, не вслу-

шивался в детали, зачарованный чертами ее лица. Черт же раздери все на свете... какая она была красивая. Невероятно красивая. Она обладала особым магнетизмом, ореолом роковой женщины, влекущим к эмоциональному самоубийству. Она обладала всем. Для меня она была самой невероятной девушкой в мире.

Мне всегда нравилась заостренная форма ее губ, потому что в каком-то смысле казалась такой подходящей. Они отражали ее характер, потому что любое слово могло повиснуть на острие этих губ и расколоть спокойствие, приблизив бурю. Она и была бурей. Платиновая блондинка, волосы средней длины с рваными краями, что-то среднее между черно-белыми французскими фильмами в стиле нуар и современностью некоторых музыкальных фестивалей. Взрывная внешность. Я бы солгал, если бы сказал, что первое, что мне бросилось в глаза, были ее глаза или стиль. Обалденные изгибы. В день знакомства я, простите, влюбился в идеальные соски, проступающие под футболкой.

Она знала, как свести с ума любого. Выбирала неуместную одежду. Она могла нарядиться как на ковровую дорожку, чтобы выпить пива в глухом месте района Лавапес, а на рабочее совещание надеть вытянутые драные джинсы. И так было во всем. Никто ее не понимал, и боюсь, именно поэтому я влюбился (ну еще тема сосков, что может иметь фрейдовское прочтение и быть свидетельством детской травмы).

Сколько танго было написано о таких женщинах, как она? Сколько таких типов, как я, падали к ее ногам?

— Давид, ты меня слушаешь?

Я прикусил губу и раздраженно кивнул. Гораздо приятнее было предаваться мечтам, чем отвечать.

— Конечно, я тебя слушаю, Идойя, но согласишься, сказать мне нечего.

На ее накрашенных алой помадой губах вспыхнула было улыбка... но не из тех, что приносят облегчение, а скорее кусают. Мало что меня бесит так, как снисходительность, а уж эти ее «какой ты еще молоденький, Давид» или «ты поймешь это